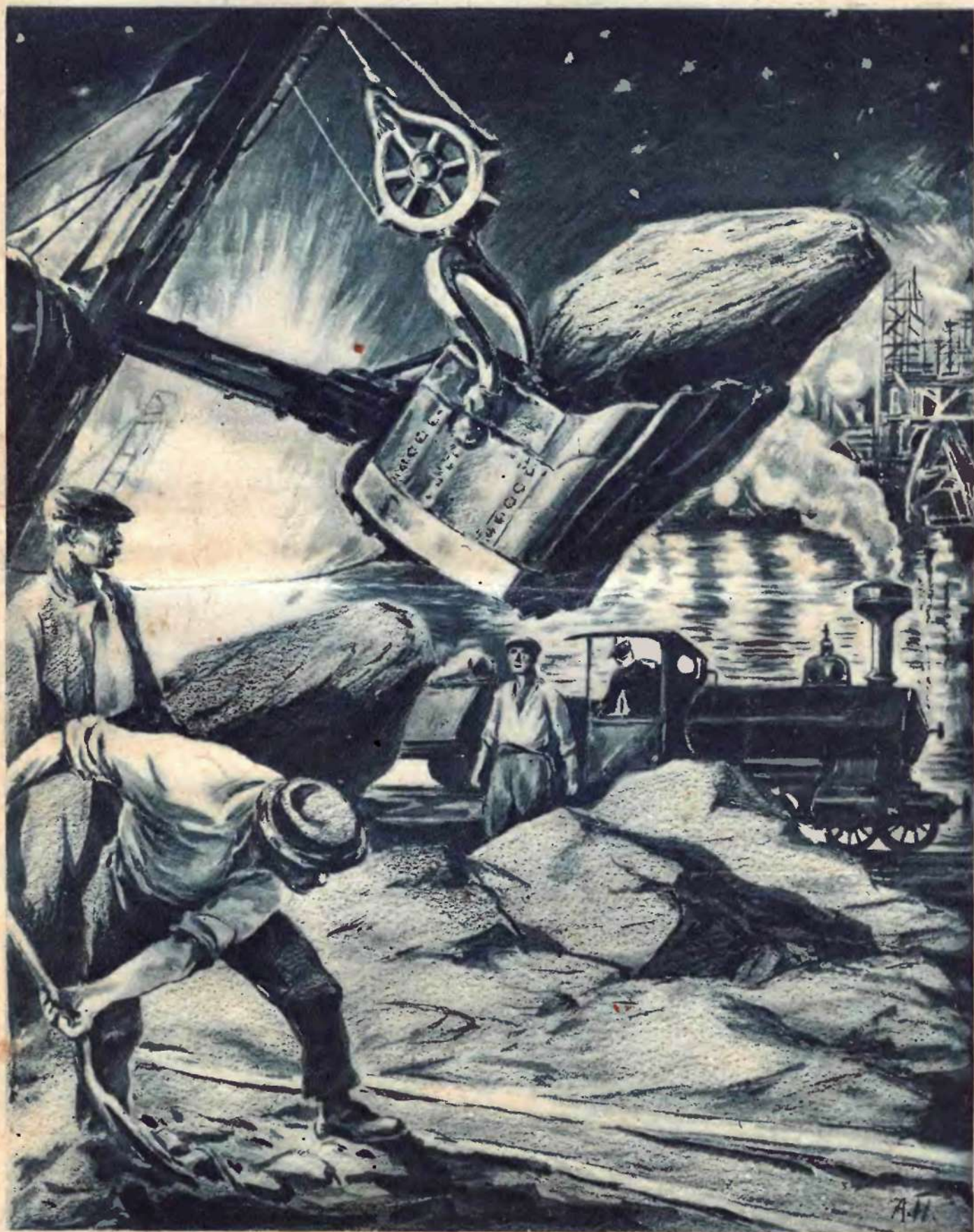

Цена № 10 коп.

ВОКРУГ СВЕТА

1929 г. ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА СУШЕ, НА МОРЕ И В ВОЗДУХЕ № 23

В недрах великого строительства. Как циклоны ходят краны и экскаваторы, дыша и разогревая землю стальными руками.

„Зиф“

100

Подпишитесь на „Художественные сокровища СССР“, состоящие из 100 больших многокрасочных картин и представляющих собой точные копии с лучших мировых произведений, хранящихся в Третьяковской галерее и др. государственных музеях. „Художественные сокровища“ выходят выпусками по 4 картины в выпуске. Все картины печатаются на прекрасной бумаге, наклеены на паспарту, размером 36х47 см. К каждой картине дается объяснительный

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СОКРОВИЩА СССР

КАРТИН

текст, биография и гравюра автора. Цена за все 100 картин в изящном прочном переплете—75 руб. Условия распродажи: при подписке—5 руб., а остальная сумма—взносами по 3 р. 50 к. по получении каждого выпуска (1-й выпуск высылается немедленно); пересылка 38 к. за выпуск. Уплатившие всю подписную плату вперед получат переплет с 1-м выпуском и за пересылку не платят. Подписку адресовать: Москва. 6. Цветной бульвар, 25. Художеств. Акцион. Издат. Обществу АХР.

СКЕЛЕТЫ

и естественно-биологические препараты по сравнительной и нормальной анатомии, ботанике, зоологии и гистологии, а также муляжи и модели человека и его органов

ДЛЯ ШКОЛ

имеет в большом выборе и предлагает зоологический магазин Московского зоопарка. Вся продукция изготавливается производственными мастерскими ИМУ под руководством и наблюдением профессоров и преподавателей институтов и выпускается методически проработанная и приспособленная к наглядному изучению естественно-биологических наук. Вся продукция мастерских поступает в продажу через зоомагазин и его отделения. Целый ряд препаратов выпускается по заказному образцу с пояснительным текстом к каждому из них.

ТРЕБУЙТЕ ПРОСПЕКТ

В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ ВЫХОДИТ ИЗ ПЕЧАТИ ПОЛНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ СПРАВОЧНИК-КАТАЛОГ ЗООМАГАЗИНА, ВКЛЮЧАЮЩИЙ В СЕБЯ ПОМИМО ЦЕН ВСЕ ОСНОВНЫЕ СВЕДЕНИЯ ДЛЯ НАЧИНАЮЩЕГО ЛЮБИТЕЛЯ ПО УХОДУ, СОДЕРЖАНИЮ, КОРМЛЕНИЮ И РАЗВЕДЕНИЮ ЖИВОТНЫХ В НЕВОЛЕ О ФОТОГРАФИЯХ ИХ.

Цена справочника 1 р. Заказы направлять: Москва, Центр, Кузнецкий Мост, 17/В, Зоомагазин.

КУРЯЩИМ

КИЖЕНЧ. активистин. мундштук в двойном фильтре, изготовленный по способу проф. „Гейц Гармак“. Отличается тающим дымом от вредн. при-инотин, отравляющего организм. По-тает 94,5% никотина. Делает курение почти безвредным. Благо-тзорие действует и сохраняет здоровье. Знус и аромат не изменяются. Небыха. наид. курящему и особенно там, у него больше легкого и сердце. Нурт. прибор не мундштук пошрив. рога с запасн. антолит. препаратом, при-надалим. и ручном. 2 р. 15 п. Трубит 6 р. Поро. на счет вала. Высил. наком. плат. за получ. вадатка 1 р. (Гор. Винница—2/В, Пред-ству Ла-боратории Сольникер. (Ашхмжн). Разрешено Мосспраотделом АОН 254.

ХУДОЖЕСТВЕННО УВЕЛИЧЕННЫЙ

ПОРТРЕТ

И ДВЕ ВИЗИТНЫХ =

карточки мо- КАЖДЫЙ

живет получить

прислав любую фото-карточку

Цены 18х24 см. — 5 р.,

24х30—7 р., 30х40—10 р.,

40х50—14 р., 50х60—18 р.,

в красках на 40% дороже.

АГЕНТАМ И ФОТОГРАФАМ

СКИДКА

Заказы выполняются быстро и

аккуратно. Высылаю наложен.

плат жом без задатка; орги-напы возмращаются.

Заказы направлять МОСКВА,

Ц. почт. ящик № 413, худ. Романова Е. Д.

НОТЫ

любые немедленно высыл. на-лож. платежом МУЗСЕКТОР

ГОСИЗДАТА

Москва, Неглинная, 14/31.

КАТАЛОГИ (фортепиан., вокала-ный, больш. душой. орк., струн-ный, мис.-худож. литерат. книги по музыке)

ТРЕБУЙТЕ БЕСПЛАТНО

ЛЮБУЮ КНИГУ

русскую или полюб. таи и старую выс. налож. плат. в 3-дневн. срок. магазин ВЦСПС. Мо-сква, Кузн. Мост, 20/В. Ката-лог по физкультуре и бух-галтерии выс. по получении 16 к. почт. марш.

КАК НАУЧИТЬСЯ РИСУВАНИЮ

И ЖИВОПИСИ.

Новая книга проф. А. Н. Эйсснера

„Школа Рисования и Живо-писи“. Новое практич. руководство для самообучения, подробно и ясно изложенное, с 446 задачками, с рисунками в тексте и на 16 отд. таблицах, из них 13 таблиц в крас-ках. Всего 86 рисунков (из которых 37 красочных). Большой том, 1929 г. Ц. 6 р. Изд. „Наука и Школа“.

ХОЗЯЙКА-КУЛИНАРКА.

Сост. 3. Руль.

Полная поваренная книга для хозяйки. 1.370 различных са-борных и постных блюд, заготовок, солений, маринадов, варений, ме-чепей, вообще всяких хозяйственных приготовлений. 480 стр. 1928 год. Ц. 3 р. 50 к. Изд. автора.

МЕБЕЛЬНОЕ ДЕЛО.

Руководство мебельного мастера. Производство раз-личной мебели с образцами простой несложной мебели, с 16 рис. образ-цов и деталей, стили, конструктив-ные, примеры различных валов: гу-тая мебель, комплекты и гарантии изобиле часто встречаемой стиль-ной мебели. Сост. инж. Н. Песопкин, 1929 г. Изд. Моск. Аки. Общ. Ц. 3 руб. 50 коп.

АВТОМАШИНЫ.

Сведения по устройству, уходу, ремонту, испытанию и достижению наибольшей мощности автомобилей, тракторов, мотоциклов, моторолок, самолетов. 1348 вопро-сов и ответов, сост. „Нико“ (Н. Орловский). 291 стр. 1929, г. Изд. Брокгауз и Ефрон. Ц. 3 р. 70 к.

ПРАКТИЧЕСКИЙ УЧЕБНИК

английского языка, сост. пре-подав. Скотт и Брей, со словарем, 286 стр. Изд. автора. Ц. 1 р. 50 к.

ВЫСЫЛАЮТСЯ НАЛОЖЕННЫМ ПЛА-тежом, ПРИ ЗАКАЗЕ ВЫШЕ 10 Р. НЕОБХОДИМ ЗАДАТОК 25%.

Любую русскую книгу, как новую, так и старую, высыл-аю и редкую равнысывает (при запросах просим прилагать 10-коп. марку на ответ)

Почтовый отдел книжного ма-газина „Экспрессант“

И. Носова и И. Полянова.

Ленинград, 14, просп. Воздар-ского, № 46.

УЧИТЕСЬ САМИ

ИГРАТЬ С ПОМОЩЬЮ САМОУЧИ-ТЕЛЕЙ ПО НОТНОЙ ИЛИ ЦИФРО-ВОЙ СИСТЕМЕ:

НА ГАРМОНИКЕ

Самоуч. Сергеева и Голубева для венск. лухр. русск. или нем. строя 11 кл. 12 бас., с при-ложением 20 пьес. Ц. 7.

НА БАЛАЛАЙКЕ

Самоуч. Илюхина. Цена 1 руб.

Ильин А. Самоуч. (только по цифровой системе). Ц. 50 к.

НА МАНДОЛИНЕ

Самоуч. Петрова. Ц. 1 руб.

НА ГИТАРЕ

Самоуч. Успенского. Ц. 1 р. 50 к.

Заказы до 6 руб. высылаются налож. плат. без задатка; свыше 6 р.—по получ. задатка. Переошл-ка за счет заказчика. Москва в, Центр, Неглинная, 14/31.

МУЗСЕКТОР ГОСИЗДАТА.

В Е Ч Е Р А

ИГР И РАЗВЛЕЧЕНИЙ

Фокусы, танцы, игры. Сбор-ник с рис. и нотами. 309 стр. Зеленок, Ковалев н.р. Ц. 1 р. 25 к.

ПЕРЛЕБМАН

Фокусы и развлечения. Ц. 70 к.

РАВИЧ И КАНТОР

Художественно-литератур-ный сборник для клубов истратры. 1929г. Ц. 1 р. 50 к.

Проф. АРЕНС

Математические игры и раз-влечения. 72 рис. Ц. 1 р.

П. ГЕРМАН

Эстрадный сборник. 1929 г. Ц. 55 к.

А. ВИШНЕВСКИЙ

Настольные игры—Соревно-вания. С 70 рис. и 1 картой. Ц. 1 р. 50 к.

В. К. СЕРЕЖНИКОВ

Мастерство чтеца. Теория и методика худож. чтения. 1930 г. Ц. 1 р. 50 к.

Проф. ПАШКОВ

Денационационная хре-стоматия. Пособие для чтецов, актеров, поэтов, рас-сказчиков. Ц. 1 р. 50 к.

Настольный энциклопедический

СЛОВАРЬ

4-ое дополн. издание 1929/30 г. 704 стр. в колонк. переплете Ц. 4 р. 60 к.

Д-р ТУР

МУЖСКОЕ БЕССИЛИЕ. Причины и лечение 4-ое изд. 1929 г. Ц. 3 р. 50 к.

И. Т. НАЗАРОВ

КУЛЬТУРА ВОЛИ. Система самовоспитания здоровой личности. 29 г. С рисунок. Ц. 1 р.

ВЫСЫЛАЕТ НАЛОЖЕН. ПЛ.

без задатка

Книжный маг. Простер. О-ва „ПРОМЕТЕЙ“

МОСКВА, Моховая, 26/В.

1930 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА 1930 г.

IV-й год изд. НА ДВУХНЕДЕЛЬНУЮ ИЛЛЮСТРИРОВАННУЮ

„ОХОТНИЧЬЮ ГАЗЕТУ“.

Издание Пром.-Кооп. Т-ва „МОСКОВСКИЙ ОХОТНИК И РЫБОЛОВ“.

Подписные платы: на 1 г.—2 р. 40 к., на 1/2 г.—1 р. 20 к., на 3 мес.—80 к. Все годовые подписчики, уплатившие до 1 апреля 2 р. 40 к., получают бесплатное приложение—2 брошюры: 1) Хищные птицы и борьба с ними и 2) Ужение в проводку.

Годовые подписчики за доплату в 1 р. 10 к. полу-чают 12 книг приложений, т.-е. уплатив 3 р. 50 к., они получат в течение года 24 номера иллюстриро-ванной „ОХОТНИЧЬЕЙ ГАЗЕТЫ“ и 12 следующих брошюр:

1) Закачки, заповедники и припичные хозяйства, 2) Кролиководство, 3) Гончая и ее стандарт, 4) Пойн-тер и его стандарт, 5) Английский сеттер и его стан-дарт, 6) Ирландский сеттер и его стандарт, 7) Хищные птицы и борьба с ними, 8) Охота на барсуков и лис с фокстерьерами, 9) Охота на мелких зверьков, 10) Стенд и стрельба на стенде, 11) Ужение в провод-ку и 12) Технические советы рыболову.

Годовым о приложенном подписчикам допускается расписка: при подписке 1 р. 50 к., до 15 февраля—1 руб. и до 1 апреля—1 р. (при каждой высылке денег указывать обязательно «Годовая с приложением»).

ПОСЛЕ 1-го АПРЕЛЯ ГОДОВАЯ ПОДПИСКА НИ В КАКОМ СЛУЧАЕ НЕ ПРИНИМАЕТСЯ. ТАК КАК ТИ-РАЖ ПРИЛОЖЕНИЙ ОГРАНИЧЕН.

„Охотничья Газета“ имеет ОТДЕЛЫ: 1) Освещение организационных вопросов охоткооперативного строи-тельства; 2) Охотничье хозяйство; 3) Беллетристика; 4) Собаководство; 5) Охотничье оружие; 6) Рыболов-ство и рыболовство; 7) Жизнь мест и 8) Вопросы и ответы.

Все годовые подписчики пользуются бесплатной помощью специалистов в выборе ружей, собак и сна-ряжения.

ПОДПИСКА на „Охотничью Газету“ принимается в Редакции, а также во всех почтовых отделениях и у писемослужб.

Подписную плату адресовать: Москва, Никольская, 4, пом. 14, Редакция „ОХОТНИЧЬЕЙ ГАЗЕТЫ“.

ВОКРУГ СВЕТА

1929 г. ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА СУШЕ, НА МОРЕ И В ВОЗДУХЕ № 23

6 р.

в год за ежом журнал «Всемирный Следопыт» 21 №№ «Вокруг Света», 12 №№ «Всемирный Турист» и 12 многокрасочных табл. «Народы мира» по обл. журнала. За границу подписная плата выше на 50%. За перемену адреса — 20 коп.

Редация „Всемир. След.“ и „Вокруг Света“: Москва, Пушечная, Лубянский пасс., пом. 63.

Подписка за журнал «Всемирный Следопыт» (только с приложениями по I абон.) принимается: в конторе журнала (Москва, Никольская, 10) и во всех почтовых отделениях, а также письменно.

Объявления в «Вокруг Света» принимаются в конторе журнала (Москва, Никольская, 10, тел. 2-32-38); за строку нонп.—3р.; за страницу — 1.750 р. (сверх тарифа — госналог 10%). При многокр. печат.—скидка по соглаш.

10 р.

в год журн. «Всемир. След.» с приложен. (сверх указан. слева) 24 книг полного собрания сочин. А. Д. А. (вторая половина, — первая половина, вышедшая в 1928 г., высылается за 4р. 50 к.).

СОДЕРЖАНИЕ: Верхом на ветре. Рассказ А. Ром. -- В недрах великого строительства. Дневниковые очерки А. П. Романовского. -- Искатель жень-шеня. Рассказ О. Будинова. -- Всемирный калейдоскоп. -- Оглавления.

— ВЕРХОМ НА ВЕТРЕ —

Рассказ А. Ром

Рисунки худ. А. Пржецлавского

— Пошады! Пошады! Пожалейте детей, не делайте их сиротами! Пошады! Пошады!..

Эти бабы испортили всю торжественность церемонии. Как они провались через цепь солдат? Генерал-капитан Буэнос-Айреса диктатор Розас¹⁾ нахмурился. Его рыжий английский скакун нервно перебирал ногами, — детский и женский крик действовал на нервы лошади гораздо сильнее чем на нервы седока. Женщины окружили лошадь, кричали «Пошады!» и протягивали к Розасу плачущих младенцев. Но «человек железа и крови», как звали его, не знал жалости. На его бритом лице с большим носом и бачками на щеках не выражалось ничего кроме досады на случайное нарушение порядка. Высокомерный, гордый, в мундире с высоким, шитым золотом воротником и в шляпе с плюмажем, он сидел на лошади так неподвижно, что его можно было принять за статую. Наконец крики ему надоели. Не поднимая руки от поводов, он приподнял указательный палец и сказал тихо, но внятно:

— Уберите женщин!

Ад'ютант отдал приказ офицерам, офицеры — солдатам, солдаты нехотя начали отгонять стонущих, кричащих, плачущих женщин. Площадь очистилась. Прямо перед Розасом виднелись пятьдесят столбов в рост человека с привязанными к ним полураздетыми солдатами. По левую и

правую стороны от него стояли войска. Посреди площади, между Розасом и столбами, лицом к привязанным людям — цепь стрелков с ружьями наготове. За столбами виднелась груда человеческих тел. Розас производил суд над пойманными дезертирами армии. Заодно расстреливались и личные враги Розаса. Сегодня был большой день. С утра над площадью висела дымовая завеса, которую не мог развеять даже довольно сильный ветер, и слышались залпы. То диктатор Розас правил страной.

Когда вопли женщин и детей замолкли вдали, Розас махнул платком. Сухой треск выстрелов прокатился над площадью, и еще один ряд привязанных к столбам полураздетых солдат склонил головы.

Внезапно наступило затишье. Вероятно Санта-Анна, кавалерист, стоявший невдалеке от Розаса в строю, не ожидал этой паузы, и его голос довольно явственно прозвучал в злой тишине:

— Гнусный палач!..

Мышцы лица Розаса чуть-чуть дрогнули. Он тронул повод. Лошадь — подарок одного скотопромышленника, недавно вернувшегося из Англии, легко перебирала ногами, приблизилась к лошади Санта-Анны. Розас впился в глаза кавалериста своими черными глазами, как бы желая пронзить его насквозь, потом тем же спокойным, несильным, но довольно внятным голосом сказал:

— Или я ослышался? Повтори, что ты сказал!

Лицо Санта-Анны побледнело, а грудь высоко поднялась, как будто он опустился в холодную воду. Тысячи глаз смотрели на него с любопытством и страхом. Санта-Анна молчал. Улыбка скользнула по губам Розаса. Эта презрительная улыбка была той искрой, которая подожгла в душе Санта-Анны пороховую бочку бесшесного испанского самолюбия и гор-

дости. Он поднял голову и, не спуская глаз с Розаса, отчетливо сказал:

Сеньор генерал-капитан! Я сказал, что ваша милость гнусный палач!

— Хить! — в воздухе раздался короткий возглас Розаса, похожий на свист хлыста, рассекающего воздух. В то же мгновение лошадь диктатора, вздернутая сильной рукой, поднялась на дыбы. Задние ноги ее плясали, а передними от махала в воздухе. Лошадь двинулась на Санта-Анну, как будто вызывая его на партию бокса. Лошадь кавалериста также поднялась на дыбы, но не пошла навстречу английскому скакуну, а сделав поворот на месте в девяносто градусов, поскакала прочь. И она конечно вынесла бы своего седока на простор пампас так же, как не раз выносила его из гущи сражения, если бы чьи-то руки не ухватились за плечи Санта-Анны. Он был сдерну-и с седла, а лошадь, едва не перевернувшись навзничь, поплясала на задних ногах и умчалась за линию войск,

Четыре солдата повисли на руках Санта-Анны, который стоял не сопротивляясь. Розас хмурился. Он был недоволен, что не сдержал гнева и унизил себя до того, что бросился на солдата. За это он возненавидел Санта-Анну еще больше.

— Расстрелять! — сказал он небрежно и посмотрел на тени на земле. Затем он вынул великолепный золотой брегет²⁾ и самодовольно улыбнулся. Не даром в детстве он жил среди гаучо³⁾: он безошибочно определял время по тени. Стрелки часов

¹⁾ Дон Хуан-Мануэль де-Розас (1793 1877)—диктатор Аргентины, правивший почти самодержавно в продолжение четверти века, глава федералистов. Крупных помещиков и скотопромышленников. Их врагами были унитаристы или централисты — народившаяся городская торгово-промышленная буржуазия. Розасу при помощи жестокого террора удавалось удерживать политические позиции федералистов с 1829 по 1852 год. В этом году он был разбит при Моте-Каперос соединенными силами Уругвая, Парагвая и Бразилии.

²⁾ Брегет карманные часы, выделявшиеся мастерской знаменитого французского часовых дел мастера Абрама-Луи Бреге. Отличались большой точностью.

³⁾ Гаучо своеобразная этническая группа Южной Америки, сложившаяся в результате смешения испанцев-завоевателей с туземными индейскими племенами. Пастухи, проводящие жизнь верхом.

показывали ровно двенадцать. Пора обедать. Розас вставал очень рано, обедал в полдень и потом предавался в самое жаркое время сиесте¹⁾. И он повернул лошадь по направлению к городу. Казнь может совершаться и без него.

— Ну, что же ты? Марш к столбам! — приказал офицер.

Санта-Анна нечего было терять. Он ухмыльнулся и дерзко ответил:

Лошадь Розаса поднялась на дыбы.

— Я привык всегда видеть начальство впереди. Идите вы, если вам нравится, а я за вами.

— Это бунт? — взвизгнул офицер и приподнял хлыст.

— Идем, товарищ, от смерти не убежишь! — сказал солдат, дергая за руку Санта-Анну.

— Иди сам! — упрямо ответил тот.

— Тащите его! — приказал офицер.

Солдаты потащили Сакта-Анну, но тот упирался на каждом шагу. И вот, когда они были уже всего в двадцати шагах от столбов, случилось нечто, чего никто не ожидал. Откуда-то вихрем налетела лошадь Санта-Анны и со всего размаху боком ударила

в группу солдат, тащивших ее хозяина. Это был мастерский удар, которому она научилась в то время, когда Санта-Анна не был еще солдатом, а батрачил у одного из помещиков. У гаучо была любимая, довольно жестокая забава: когда клеймили скот каленым железом и обезумевший от боли бык бросался в степь, считалось лихим молодецеством догнать его на скакуне и свалить с ног ударом груди лошади поперек туловища. И вот теперь лошадь Санта-Анны очевидно решила, что с ее хозяином хотя бы проделать нечто скверное, — более скверное, чем клеймение каленым железом. Не даром он упирался, не Хотел итти. Не даром эта площадь пропахла кровью, как поле сражения. Да, лошадь Санта-Анны видала, виды и понимала своего хозяина без слов.

Удар получился на редкость удачный. Все солдаты полетели вверх тормашками. Правда, вместе с ними упал и Санта-Анна. Но он то скорее всех понял в чем дело. Его лошадь уже стояла как вкопанная, ожидая своего хозяина, а он не заставил себя ждать. И прежде чем первый из упавших солдат поднялся с земли, Санта-Анна уже скакал далеко-далеко, распевая песню.

— Вперед! За ним! В погоню! — кричал офицер, но солдаты только безнадежно отмахивались руками.

— Как вы смеете не слушаться меня? Что это — заговор, военный бунт? — сердился офицер.

— Не горячитесь, сеньор, — ответил старый кавалерист. — Гнаться за Санта-Анной безнадежно. Ведь Санта-Анна улетел верхом на ветре!

— Что ты сочиняешь, осел? Он ускакал на обыкновенной лошади

— Я утверждаю, сеньор, что он улетел верхом на ветре. Это не обыкновенная лошадь. Такой может быть никогда не было и уж наверно не будет в пампасах. Ведь ее так и зовут: Эль-Виэнто²⁾. Разве можно догнать ветер?

— Но я приказываю вам! Марш без рассуждений, хотя бы Санта-Анна оседлал чорта! Если он не будет доставлен сегодня же к тому времени, как сеньор генерал-капитан поднимется после сиесты, то вы потеряете свои головы. Марш!

Несколько солдат, уныло тряхнув головой, поскакали следом за Санта-Анной. Они кричали, понукали своих лошадей, били их хлыстами. Но и для офицера было ясно, что лошадь Санта-Анны превосходит всех лошадей в быстроте. «Однако, чорт возьми, что теперь будет, если они не догонят беглеца — думал офицер, страшаясь гнева диктатора. — Может быть он забудет... А если он не забудет... Была не была! Скажу, что Санта-Анна расстрелян».

Розас не забыл. В тот же вечер он спросил адъютанта, а адъютант — офицера, расстрелян ли дерзкий солдат Санта-Анна.

— Расе...стрелян, — ответил офицер, читая в душе молитву и прося Иисуса и Марию, чтобы его обман не вступил наружу.

* *

Санта-Анна в это время уже несся по необъятной степи. Он родился и вырос в пампасах. Ездить верхом

¹⁾ Сиеста — послеобеденный отдых у испанцев и итальянцев.

²⁾ Эль-виэнто (по-испански) — ветер.

он научился чуть ли не раньше, чем ходить. Он не мог представить себе жизни без лошади. Не даром у него были кривые ноги, как у всех гаучо. Его ноги были вторыми «задними руками», которые умели крепко обнимать бока лошади. Он и лошадь как бы составляли одно существо, подобно центавру¹⁾. Когда он сходил с лошади, то сразу становился беспомощным, как инвалид снявший артистически сделанные протезы ног. Он не мог и не любил ходить пешком. Дома, когда он занимался хозяйством, он иногда садился на лошадь, чтобы привезти бочку, стоявшую в ста шагах, и вообще много делал в седле такого, что, казалось бы, гораздо удобнее делать пешему. Лошадь была его крылатыми ногами, притом умными ногами. Когда он сидел в седле, ему можно было ни о чем не думать или думать обо всем, совершенно не заботясь о дороге.

Как хорошо скакать на добром коне по степи, когда она покрыта высокой травой, — выше головы всадника! Здесь нет ни гор, ни озер, ни лесов. Степь, беспредельная степь, настоящее море травы, колышущейся, как волны под дыханием ветра. И какая изумительная тишина! Пампасы молчаливы. Даже птицы здесь почти не поют и только иногда мелодично перекликаются. Ветер все время поет тихо и ритмично в травах и ковыле, как эолова арфа. Летить вперед, все вперед, и кажется, будто в самом деле ты оседлал ветер. А иногда кажется, что всадник и лошадь стоят на месте, а земля несется с бешеной скоростью навстречу, и, чтобы не умчаться назад вместе с землею, лошадь должна все время перебирать ногами — отбиваться от летящей под копытами земли. Но приятнее думать о том, что ты как ветер несешься поверх травы. Нет больше ничего кроме сияющего неба над головой, кроме душистого ветра, обдувающего лицо и треплющего по-розовому-оранжевому плаща — пончо, — кроме травы и лошади под тобой. Нет никаких Розасов, диктаторов, крови. Нет утомительных походов на патагонцев²⁾, нет стонов раненых, нет воплей детей, матерей и жен...

Виэнто нельзя назвать красавцем. Голова у него довольно большая, уши еще больше. Сочленения толстоваты, хотя общие пропорции и правильны. И у него нет никакого шегольства.

Когда он идет своей будничной походкой, он часто опускает голову и волочит ноги. И никто не сможет сказать, глядя на его невзрачную внешность, какая неистощимая энергия заключена в этом теле.

Нет ничего легче управлять этой лошадию. Ее шея — самый чувствительный гальванометр. Довольно малейшего прикосновения пальцем к шее, как лошадь изменяет аллюр, поворачивает в сторону, неподвижно каменеет на месте или даже ложится на землю. Да, она беспрекословно слушается пальца хозяина, но только до тех пор, пока... пока хозяин не ошибается. Санта-Анна никогда не заставляет лошадь поступать против ее воли. Ему не нужен хлыст, не нужны и шпоры. Для них обоих высшее наслаждение в жизни — мчаться вперед по беспредельной степи. И пока все благополучно — пускай хозяин играет на шее лошади, как виртуоз на музыкальном инструменте, извлекая тончайшие оттенки музыки движения. Но в решительные минуты Виэнто сам знает, что делать. Вот и сегодня. Кто подсказал ему выкинуть такую веселую штуку, которая спасла жизнь хозяину?

Санта-Анна усмехается и треплет лошадь по шее. Виэнто отвечает помахиванием хвоста и прядает ушами. Приятно чувствовать знакомую тяжесть тела любимого хозяина на своей спине. Вдвоем они умнее и сильнее. Он дает человеку свои быстрые ноги и острые чувства. А чувства у него острее не только человеческих, но и чувств его европейских собратьев. У тех конюшня притупила остроту обоняния и слуха. А у Виэнто? — Он может слышать за несколько километров.

Однако куда он несет Санта-Анну? К бедной деревушке, к землянке-«ранчо», в которой живет жена Санта-Анны. Не опасно ли теперь возвращаться домой? А впрочем — Виэнто прав. Кому же придет в голову, что приговоренный к смерти, беглец, дезертир поедет к себе домой, как во время отпуска?..

Виэнто примчал Санта-Анну прямо к землянке и остановился как вкопанный. Несколько часов без передышки бешеного карьера. И ничего! Только бока немного подвело.

Жена бросилась к Санта-Анне, но он довольно резко остановил ее, проговорив всего:

— Давай скорее мешок лепешек и мяса! За мною погоня!

Жена не испугалась, не заплакала. Она привыкла к печальным неожиданностям жизни. Через три минуты она подала ему мешок с кукурузными лепешками, домашним сыром и жест-

ким жареным мясом. Санта-Анна, не слезая с лошади, подхватил с земли трехлетнего сынишку, выбежавшего из землянки, поднял, поцеловал, опустил на землю, потрепал по плечу жену и, положив мешок на седло позади себя, крикнул, уже отъезжая:

— Если заедут солдаты, скажи, что ты не видала меня.

* * *

И опять непрерывная степь и мягкое колышание в седле. Санта-Анна едва заметно притрагивается к шее лошади, и та останавливается. Он становится во весь рост на седле, и, прикрыв глаза ладонью от лучей солнца, смотрит назад, в беспредельную даль. Заходящее солнце золотит его бронзовое от загара и примеси индейской крови лицо. Зоркие глаза впииваются в линию горизонта. Но там ничего подозрительного. Ни одной точки, похожей на всадника.

Солнце погасло, погасло небо, зажглись звезды. Где-то в болотце заквакали, застонали голосистые лягушки. Степной ветер утих. Ветер Виэнто также замедлил свой полет. Пора было подумать о ночлеге. Санта-Анна мог преспокойно уснуть, сидя на лошади. Даже мертвый, он не выпал бы из седла. Он видал не раз, как лошади вывозили с поля сражения убитых гаучо. Они так и застыли в седле, и их нелегко было снять с лошади. Санта-Анна мог спать в седле, как в колыбели. Но Виэнто нуждался в отдыхе, пище и питье. Сегодня для него выпал тяжелый день. Ночью можно не опасаться погони.

— Стой, Виэнто! Довольно покатались, — сказал Санта-Анна, и лошадь тотчас остановилась. Он неохотно спустился на землю и сразу почувствовал себя инвалидом на обрубках-ногах. Седло снимать было опасно, и Санта-Анна только ослабил подпруги и пустил лошадь пастись. Она найдет лужу или ручей, чтобы напиться, хотя бы вода была за несколько километров. Для этого Виэнто достаточно только потянуть воздух широко раскрытыми ноздрями. А травы хоть отбавляй.

— Отдыхай, Виэнто! — Санта-Анна с'ел лепешку и, сняв через голову плащ, разложил его на траве и растянулся. И он сразу уснул крепким сном здорового человека, который проскакал весь день. Нервы его были в порядке, и мысль о том, что за ним гонится смерть, не мешала ему храпеть во всю силу легких.

Он не мог определить, долго ли спал. Проснулся он оттого, что почувствовал, как кто-то вытягивает из-под него плащ. А ему так хотелось еще поспать! Но Санта-Анна умел

¹⁾ Центавры, или кентавры — мифический древний полулюдикий народ, якобы живший в Фессалии (Греция). Кентавры изображались в виде полулюдей-полулошадей.

²⁾ Походы Розаса против патагонцев укрепили его популярность.

так же быстро просыпаться, как и засыпать. Открыв глаза, он увидел, что небо чуть-чуть побледнело на востоке, над ним стоит Виэнто и нетерпеливо тербит плащ. Потом Виэнто, чтобы скорее разбудить хозяина, начал толкать его мордой в бок.

— Что ты, Виэнто?—спросил Санта-Анна, приподымаясь.

Лошадь многозначительно фыркнула. Санта-Анна понял, что Виэнто разбудил его неспроста. В то время, как он отдыхал, Виэнто зорко следил за горизонтом. Его уши и ноздри работали лихорадочно. И как только лошадь услышала далекий топот копыт и людской и лошадиный запах, она подбежала к своему хозяину и разбудила его. Может быть то гаучо перегоняли табуны коней. Но лошадь знала, что время опасное, и что надо быть ко всему готовым. Не прошло минуты, как Санта-Анна подтянул подпруги, вскочил на лошадь и встал во весь рост на седле. Он зорко осмотрел горизонт. Да, его верный друг не ошибся. Кто-то скакал сюда. Это было похоже на погоню. Санта-Анна уселся в саяло, и в тот же момент, не ожидая приказаний, Виэнто рванулся вперед.

Виэнто успел отдохнуть и теперь бежал с такою же бодростью, как и вчера. Можно было подумать, что он переживает и волнуется гораздо больше своего хозяина. То, что происходило, было так понятно. Двухногие звери, оседлав четвероногих, гнались по пятам, и надо было спасать свою жизнь. Правда, солдаты преследовали Санта-Анну, а не Виэнто, но лошадь не отделяла себя от хозяина.

Восток розовел, и скоро вошло солнце, а с ним настал жаркий сияющий день. Эолова арфа натянула свои струны — ветер запел в траве однообразную, но мелодичную песню. Засвистало в ушах Санта-Анны. Земля уходила назад. Скакун поднимал ноги, чтобы пропускать ее под себя и отбрасывать назад вместе с преследователями. Скорее, скорее! Неподвижность и бешеная быстрота слились воедино. Санта-Анна застыл как статуя, развязав все силы и всю наблюдательность своей лошади. Теперь она руководила им.

Минуты текли за минутами, часы за часами. Где-то прозвучал далекий выстрел. С каждым часом расстояние между Виэнто и преследователями увеличивалось. Нет, не догнать! Разве можно догнать ветер?..

Санта-Анна касается пальцем шеи лошади. Она замирает на месте. Тогда он становится на свою живую вышку и смотрит. Никого не видно.

Горизонт скрыл преследователей. Можно передохнуть Виэнто. Но лошадь не соглашается. Нет, нет, рано. Опасность еще не миновала. Вперед, вперед!.. Шумит в ушах ветер, поет в ковыле. Бежит степная трава из-под ног лошади и уносит преследователей все дальше и дальше...

Санта-Анна определил по солнцу, что Виэнто, сделав огромный полукруг, направляется к Буэнос-Айресу. Это неплохое средство сбить преследователей со следа. Время от времени они встречали на своем пути стада коров и табуны лошадей. Изредка попадались конные пастухи-гаучо. Виэнто не убегал от них и не выражал никакого волнения. Он знал, кто враг.

Однако преследователи были не так уж глупы. Не даром вся жизнь гаучо проходит в непрерывной погоне и розысках умчавшихся в степь лошадей. И Санта-Анна, привстав на седле, неожиданно увидел вправо от себя всадника, мчавшегося ему наперерез. Он тронул шею Виэнто. Лошадь насторожилась, потянула ноздрями воздух, почуяла врагов и круто повернула налево. Но и там виднелись над высокой травой человеческие головы. Оставалось лететь вперед, по прямой, чтобы обогнать преследователей, прежде чем они выедут на линию бега Виэнто.

Лошадь не надо было подгонять. Казалось, что до сих пор она мчалась с предельной скоростью. Но то был только ветерок по сравнению с ураганом, который поднялся, когда Виэнто увидал врагов,седающих с двух сторон. «Ветер двенадцать баллов»,— сказал бы моряк. Да, Виэнто несся со скоростью шторма, пригнув голову к земле, чтобы легче было дышать и разрезать встречный ветер. Все свои силы, все внимание он бросил на то, чтобы развить максимальную скорость, на какую только были способны его железные мускулы.

Неожиданно он увидел перед собой невысокую стену, сложенную из необожженных земляных кирпичей. Обезжать ее не было времени—сзади наседали преследователи. И Виэнто, вытянувшись в струну, красивым движением перескочил стену.

Санта-Анна даже крикнул от удивления. Эта стена как будто отделила однообразную степь от какого-то заколдованного замка, утопавшего в чудесном саду. «Замок» был довольно приземистым одноэтажным зданием, растянувшимся в длину. Но сад был великолепен. Прекрасные пальмы, кактусы, цветущие кустар-

ники, клумбы, водоемы, фонтаны и цветы, цветы, целое море цветов! Идеально содержимые дорожки посыпаны белоснежным морским песком. Там и сям виднелись беседки, бельведеры, гроты. Контраст был так велик, что даже Виэнто замедлил шаг. Он прогалопировал по широкой пальмовой аллее и вдруг остановился как вкопанный, встретив на повороте человека в ярко малиновом шелковом халате и в феске с черной кисточкой. Человек посмотрел на Санта-Анну, Санта-Анна на человека в халате, и они узнали друг друга. Перед Санта-Анной стоял сам Розас! Виэнто в пылу бегства занес своего хозяина на загородную виллу диктатора.

Розас побледнел, как будто перед ним явилось привидение. Он не был трусом. Наоборот, он был на редкость храбрым мужчиной. Но Розас, как все испанцы его времени, был суеверен. Быть может ему в самом деле померещилось, что перед ним выходец из могилы. Ведь Санта-Анна был расстрелян.

— Ты..., ты... что тебе надо?—спросил Розас неуверенным голосом. Санта-Анна также был смущен этой неожиданной встречей. Но он был на своем скакуне и потому не очень-то испугался.

— Я явился для того, сеньор генерал-капитан, чтобы спросить, не взяли ли вы назад свой приказ о моей казни?

— Я прикажу тебя казнить каждый день, если тебе мало одной казни! — крикнул Розас, приходя в себя.

— Гм... в таком случае, и я не беру назад своих слов. Вы — гнусный предатель!— уже издали крикнул Санта-Анна. Виэнто не позволил продолжать разговор и поскакал. Это было сделано во-время. Несколько всадников-преследователей также перескочили через стену. Правда, увидав себя в царственно роскошном саду, они сдержали своих скакунов. Быть может некоторые из солдат узнали, кому принадлежит этот сад. Но в то же время по всем дорожкам к Санта-Анне уже бежали садовники и работники с лопатами, палками, граблями, косами. Санта-Анна зодорно свистнул. Разве можно задержать человека, который оседлал ветер? Виэнто прыгнул через клумбу, другую, через водоем, в котором плавали золотые рыбки. Все эти места были неприкосновенны для слуг Розаса, а Виэнто относился к ним с полным пренебрежением. Растоптав копытами несколько дорогих кустов цветущих роз, он вырвался из круга, перескочил через стену и

был таков. Все это заняло несколько минут.

Розас был чрезвычайно расстроен. Ему казалось, что это плохое предзнаменование. Он потребовал к себе ад'ютанта и задал ему такую баню, какой тот давно не видал. Попало всем: начиная с ад'ютанта и кончая солдатами, которые до сих пор не могли словить Санта-Анну. Офицер, обманувший ад'ютанта и Розаса, был разжалован в солдаты, несколько солдат жестоко избиты и посажены на хлеб и воду. Но этого было мало. Розас не мог успокоиться до тех пор, пока Санта-Анна не будет пойман и приведен к нему живым.

— Сто золотых пезо, двести золотых пезо тому, кто приведет ко мне Санта-Анну, связанного по рукам и ногам! — заявил диктатор. Он был очень скуп, как все испанцы, и если теперь не скупился на такую кучу денег, то видно ему немало досадила Санта-Анна. Надменный и гордый до смешного, Розас не мог примириться с мыслью, что какой-то солдат-гаучо безнаказанно оскорбил его и теперь рыщет по степи, как ни в чем не бывало.

«Двести пезо золотом за поимку Санта-Анны» — эта весть быстро облетела всех офицеров и солдат и почти со скоростью ветра достигла поселков гаучо и пастушеских стоянок. Но среди гаучо не нашлось предателей. Каждый из них ненавидел диктатора и каждый понимал, что не сегодня-завтра и его может постигнуть участь Санта-Анны. Они не шли на золотую приманку. Зато среди испанцев было немало разговоров о том, как бы заполучить увесистый мешок золота.

Недавно произведенный за военные подвиги, совершенные спьяна, из солдат в офицеры Хозе-Родригес Папельяс поклялся на винной бочке, что «не увидит своей покойной матери до тех пор, пока не поймает Санта-Анну». На его витиеватом языке это означало, что он готов посвятить всю жизнь до самой смерти этому благородному делу. Притом Папельяс недавно проигрался в пух и прах в карты и очень нуждался в деньгах. Он знал, что одному ему не поймать Санта-Анну и потому пригласил в компанию несколько таких же, как он, пьяниц и головорезов, надеясь в конце концов надуть их. Каждый из них впрочем лелеял ту же мысль — обмануть остальных и захватить всю сумму целиком.

Жадность и алчность — великая сила в том мире, где золото — бог. Во имя алчности люди могут совершать подвиги, не меньшие, чем во имя

любви. Они могут недосыпать и недоедать, терпеть голод и холод, жертвовать жизнью, сделаться фанатиками и героями, превзойти себя...

Все это скоро почувствовал на себе Санта-Анна. Он не знал, что жизнь его оценена, — об этом ему сказали позже пастухи-гаучо. Но если бы они и не сказали ему, он сам догадался бы, — настолько изменился характер преследований. Его гнали, как собаки гонят зверя. Он имел, возможность останавливаться только на несколько часов, чтобы поесть, попить, дать передохнуть Виэнто, — и то лишь потому, что и его преследователи нуждались в таких же коротких передышках. Положение Санта-Анны было особенно тяжелым

Санта-Анна опять летел «верхом на ветре»

потому, что преследователей было несколько, а он один. Притом они по обычаю гаучо имели каждый по две запасных лошади. Они гнали этих лошадей перед собой.

Когда лошадь, на которой они ехали, уставала, они пересаживались на свежую. А Санта-Анна все время скакал на своем Виэнто. И это скоро начало сказываться. Даже Виэнто не мог вынести этой бесконечной погонни. Он начал уставать.

* * *

А преследователи все гнали его вперед, дальше и дальше. Наконец он очутился в Сиерра-де-Кордоба — живописной горной стране. Обрывистые скалы были покрыты лесами, со скал падали водопады. Здесь было прохладнее, чем в степях на низине. Но преследователи и здесь не оставили его.

Однажды рано утром Санта-Анна почувствовал сквозь сон, что Виэнто будит его, по обыкновению дергая за пончо. Еще не открывая глаз, Санта-Анна протянул руку к седлу, лежавшему под головой, взял его, посмотрел на Виэнто и сразу понял, что опасность близка. Виэнто имел испуганный вид. Через две минуты Сан-

та-Анна уже сидел в седле и осматривал окрестность.

Здесь труднее было заметить приближение врага, чем в степи: бугры, скалы, леса и перелески давали возможность преследователям укрыться. Санта-Анна находился на широкой поляне. Позади его была почти отвесная скала, за ней возвышались горы, поросшие лесом. А впереди были разбросаны кустарники. Санта-Анна не двигался и ожидал, что будет. Вдруг он услышал свист. Что-то вылетело из-за куста и понеслось по направлению к нему, вращаясь на лету, как колесо. Санта-Анна вздрог-

нул... Болладор!.. Три медных шара, обшитые кожей и привязанные к ремням или веревкам. Страшное метательное орудие гаучо. Вращающиеся шары опутывают веревкой ноги жертвы и ломают их... Уж лучше быть пойманным в лассо.

Болладор пролетел мимо. Он был пущен не особенно умелой рукой.

— Плохи наши дела, Виэнто! — тихо сказал Санта-Анна. Лошадь хлопала ушами и трянула головой, как бы соглашаясь с хозяином. Она стояла неподвижно. Надо выждать, как пойдет игра.

— Эй, вы, молокососы! Вам за мамкину юбку держаться, а не болладор бросать! — крикнул Санта-Анна, вызывая врага на открытый бой.

За кустами послышались проклятия. Кто-то гикнул на лошадь, и сразу с двух сторон из-за кустов выехали два всадника. Они размахивали лассо, готовясь набросить петлю на Санта-Анну. Картина борьбы была еще не совсем ясна: в кустах могли

скрываться другие всадники, но и от тех, которые выехали, надо было спастись. Виэнто сделал прыжок в сторону. Брошенное лассо пролетело мимо. Всадники погнались за Санта-Анной. В то же время ему наперерез выскочил из-за кустов на коренастом коне сам Папельяс, — Санта-Анна узнал его. Папельяс с криком направился на беглеца. Он размахивал болладором, но так неудачно, что шар ударил его самого по руке и чуть не сбил с седла. Санта-Анна преувеличенно громко засмеялся. Испанец скрипнул зубами.

Позади Санта-Анны послышался свистящий звук, и чей-то болладор едва не спутал ноги Виэнто. Шары зашуршали в траве, связав ее в узел.

— Не смейте метать болладоры! — крикнул Санта-Анна. — Вы перебьете ноги лошади!

На этот раз засмеялись испанцы.

— Сдавайся, если тебе лошадь дороже жизни! — крикнул Папельяс. —

А лошадка недурна. Я с удовольствием поезжу на ней, когда тебя повесят!

Началась игра, в которой призом было двести золотых пезо, а проигрышем — человеческая жизнь. Санта-Анна бросил повод и предоставил Виэнто самому себе. А Виэнто проявлял чудеса изворотливости и сообразительности. Он делал самые неожиданные пируэты, сбивал врагов ложными поворотами, вставал на дыбы и переворачивался на месте, летел быстрее ветра, замирал неподвижно. У Санта-Анны руки были свободны. Он держал в правой руке большой нож, с которым никогда не расстаётся гаучо. Одна петля лассо уже была наброшена на него, но Санта-Анна быстрым движением ножа перерезал веревку. Второй раз ему удалось нагнуть голову и широко расставить руки так, что петля не опоясала его тела, а была отброшена назад. Но каждую минуту его могли

поймать лассо или же перебить ноги Виэнто страшными болладорами.

Если бы только удалось вырваться с этой поляны, пересеченной оврагами, на широкий степной простор! Там никто не угонится за Виэнто! Виэнто думал о том же. Он незаметно пробирался к краю поляны. Еще несколько кругов, несколько ложных скачков в сторону, и ему удастся обмануть бдительность врагов.

Виэнто сделал огромный прыжок через овраг. Он был уже по ту сторону щели, но тотчас он взвился на дыбы, захрапел и грохнулся на землю. Вокруг шеи Виэнто туго затянулась петля лассо. Вместе с лошадью упал на землю и Санта-Анна. Он не бросился бежать, а поспешил разрезать ножом веревку. Лошадь вздохнула свободнее и начала подниматься. Но она снова упала на землю.

— Беги, Виэнто! — крикнул Санта-Анна.

Виэнто забил ногами, но не поднялся. Веревка слишком сильно перетянула ему шею, и он не мог быстро оправиться. Испанцы заревели от восторга. Санта-Анна и Виэнто были взяты в плен! Санта-Анну крепко связали веревками лассо и как мешок взвалили на круп лошади.

Вместе с лошадью упал на землю и Санта-Анна.

за седлом солдата. А Папельяс начал поднимать Виэнто, сильно стегая его концом лассо. Потом, подойдя ближе, он стал бить животное шпорой в бок. Виэнто поднялся на ноги, покачался и вдруг побежал.

— Беги, беги, Виэнто! — крикнул Санта-Анна.

— Я ж тебя! — проворчал Папельяс и, обращаясь к товарищам, сказал: — Отправляйтесь в путь, я догоню вас. Эту дохлую клячу нетрудно будет поймать

И Санта - Анну, привязанного к седлу, повезли в Буэнос-Айрес, чтобы выдать диктатору. Испанцы ехали довольно тихо — они поджидали Папельяса, который не догнал их до вечера

— А не вернется, тем лучше! — сказал один солдат. — Доставим эту тушу, сдадим на руки, получим золото, да и поминай нас как звали!

Этот план был одобрен, и на следующий день солдаты гнали лошадей во-сю. Санта-Анна болтался, бился лицом о бок лошади и страдал от палящего зноя, от мух, от боли.

— Убейте меня! — просил он.

— Это удовольствие мы должны предоставить генерал - капитану, — отвечал солдат. — За живого зверя он платит дороже.

* * *

Последнюю ночь перед Буэнос-Айресом Санта-Анна почти не спал. Ведь это была последняя ночь в его жизни! Завтра его казнят...

И вот в небе, среди тьмы и полной тишины вдруг зазвонили колокола. Звон был такой мелодичный, какого никогда не слышали испанцы у себя на родине. Что бы это могло быть? Кругом хоть целый день скачи — ни до какого монастыря, ни до какой церкви не доскачешь. А колокола все звонили и звонили, как будто оплакивая Санта-Анну.

— Что это?.. — топотом спрашивали друг друга суеверные солдаты, крестились и шептали молитвы.

— Это в небе отпевают праведника — ангелы служат по мне панихиду, — ответил Санта-Анна, улыбаясь в темноте.

Колокола замолкли, и в то же время раздался чей-то безумный хохот, от которого у испанцев мурашки поползли по коже и зашевелились волосы на голове.

— А это дьяволы смеются, предвкушая удовольствие жарить вас на сковороде, когда вы попадете к ним в лапы, — продолжал Санта-Анна.

Солдаты поднялись, трясущимися руками оседлали лошадей и поскакали к городу — подальше от проклятого места, не ожидая утра.

А Санта-Анна усмехался. Он знал, что колокола были перекличкой в небе красивых птиц паламедей, а смеялась птица-пересмешница

Санта-Анну засадили в тюрьму.

Когда наутро заскрипела дверь и хмурый сторож, чему-то ухмыляясь, сказал: «Выходи!» — Санта-Анна подумал: «Конец!.. Теперь не убежать. Виэнто нет, а без него не спастись»...

— Выходи! — настойчиво повторил тюремщик и вдруг, рассмеявшись, прибавил: — Ах, дурья голова! Со всем выходи! Нет больше Розаса, и не вернется. Свернули ему шею Урагвай с Парагваями. Сбежал Розас! Никому ты теперь не нужен!

Санта-Анна все еще не верил. Он осторожно вышел из тюрьмы и огляделся. Всюду было ликование. Розас действительно свернул себе шею. Быть может его заместитель будет не лучше, но сейчас, можно вздохнуть свободно.

Санта-Анна выпросил у знакомого солдата лошадь и направился к себе домой. Он радовался своей свободе, так неожиданно спасенной жизни.

Ласково потрепал он по щеке свою жену и долго забавлялся с ребенком. Но в душе его жила тоска по верном друге — Виэнто.

И каково же было удивление и радость Санта-Анны, когда в тот же вечер он увидел Виэнто, ковыляющего на трех ногах. Передняя правая нога была разбита. Санта-Анна, оставив сынишку, бросился к лошади, поцеловал в мягкие губы, обнял ее и начал исследовать рану. Рана была неопасная. Перелома не было. Санта-Анна принялся лечить, и через несколько дней Виэнто уже довольно уверенно стоял на четырех ногах.

— Ну-ка, скажи мне, старина, что с тобою было? — спросил Санта-Анна, поглаживая шею лошади.

А Виэнто уже давно хотел рассказать, что с ним было. И как только Санта-Анна уселся в седло, Виэнто побежал в степь, все в одном направлении, не желая сворачивать ни вправо, ни влево. Он направлялся по

прямому пути к тому месту, где всего несколько дней назад был пойман Санта-Анна...

Вот они, знакомые места! Виэнто подошел к скалистому обрыву и начал стучать ногой, потом об'ехал вокруг и спустился в расщелину. Там на острых камнях лежал распростертый изуродованный труп Папельяса

— Так ты прикончил его! — весело сказал Санта-Анна.

Как это произошло, лошадь не могла рассказать. Но Санта-Анна сам воспроизвел картину. Папельясу очевидно удалось поймать полузадушенного Виэнто. Он уселся на лошадь. Но Виэнто не смог снести такого оскорбления и предпочел погибнуть вместе с врагом. Он помчался к утесу и скатился вниз. Лошади посчастливилось: она отделалась ушибом, а человек...

Когда Санта-Анна поднялся наверх, он увидел неподалеку от места падения Папельяса его лошадь, пасущуюся на лугу. Седло еще держалось на ней, хотя и сползло набок. Санта-Анне не составило труда поймать эту добрую лошадку.

В последнюю ночь перед возвращением домой, — это уже не была последняя ночь в его жизни! — Санта-Анна ночевал в степи, и опять звонили колокола и смеялась невидимая пересмешница

— А ведь колокола-то звонили неспроста! — сказал Санта-Анна — Только я не угадал, кого они хоронили. Они провожали в ад душу Папельяса. А пересмешница?.. Ну, конечно она смеялась над Розасом! Виэнто, ветер пампы! Прокати меня, так, чтоб в ушах свистело!

В НЕДРАХ ВЕЛИКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Днепровские очерки А. Романовского

Рисунки худ. В. Щеглова

1

Заветная точка. - Вечерний переполюх, или шофер и спичка. Героические сны. — Циклопический будильник. — Днепровская эпопея. — Каменный фейерверк. — Жестокая поговорка. Фантастический роман и действительность. Гидролюбовь.

«Итак, мы на Днепрострое. В той заветной точке земного шара, к которой прикованы теперь взоры всего культурного человечества, с которой у наших друзей и врагов связывается один и тот же вопрос, только по-разному наполненный: выйдет или не выйдет? И подумать только, воздвигается энергетическая столица всего юга нашего Союза, к которой уже теперь стекаются паломники со

всех концов земли: из Карелии и с Дальнего Востока, с Урала и из Америки, из Европы и Туркестана!»

Так гордо размышляли мы с приятелем, растянувшись на экскурсбазовских койках и предвкушая завтра исключительные впечатления.

Внезапно за окном раздался крик: «Караул!», а за ним последовали беспорядочные выстрелы. Мой приятель, человек решительный и самоотверженный, вмиг сорвался с койки и был таков. Я, признаюсь, остался недоволен таким оборотом дела. Бандиты, видимо, вооружены до зубов—обязательно уложат его, безоружного... Вот этим выстрелом может и ухлопали... Сейчас внесут его

окровавленное тело. Что я буду делать? Как вернусь без него?.. Мысли кружились в голове взбудораженной стаей.

Вот на стеклах растворенных окон вздрогнули зловещие отблески близкого огня. Экскурсанты вскочили с коек и к окнам. Так и есть: у соседнего перекрестка горел автобус. Бандиты ограбили пассажиров и сожгли машину. Но странно: никакой погони. К пожару со всех сторон бежал народ, невидимому не обращая никакого внимания на бандитов и возбужденный лишь редкостным зрелищем. В суматохе и звонах подкапывал пожарный грузовик. Автобус горел как факел. Плавилась стекла, чернели и обугливались рамы и сиденья. С минуты на минуту можно было ожидать взрыва бензина, но мощная струя пожарника уже насквозь пронизала злополучную машину. Посыпались оплывшие кругляшки стекол, зашипело, затрещало в кузове, и минуты через две от красавца-автобуса остался один черный неуютный остов.

Событие расшифровалось так. В автобусе произошла какая-то незначительная поломка. Шофер залез под кузов. Не захватив фонаря, он зажег спичку, рассуждая так: сто раз зажигал — почему же не зажечь в сто первый? Но на этот раз под кузовом оказалась бензиновая течь, а под течью — спичка. После такого совпадения шоферу ничего больше не оставалось, как кричать караул. По этому сигналу постовой милиционер открыл беспорядочную пальбу, которая в свою очередь являлась пожарным сигналом.

Через полчаса после шумного происшествия усталость и сон взяли свое, и экскурсбаза постепенно наполнилась видениями истекшего дня. Как это всегда бывает после плавания, тело продолжало жить ощущениями недавнего прошлого. Казалось, что мы снова в лодке и стали несравненно смелее. Мы едем напрямик, через кипящие бездны порогов Коваленко беспомощен и на втором плане. Мы с Заславским — неукротимые герои. Мощными взмахами весел (видны даже и вздувшиеся бицепсы на руках) мы обороняемся от камней и пучин. Лодка не дрогнет и слушается, кажется, не только наших движений, но и мыслей. Она делает ловкие зигзаги, а иногда в легчайшем прыжке летит через камни, как рыбка на вечерней заре, удирающая от подводных хищников. Вот и Ненасыгц. Первая, вторая лава... В ушах — свист, в глазах — вызов... Седьмой, восьмой пенный гребень... Вот и двенадцатая

лава — Пёкло! Уже ничего нельзя разглядеть, кругом — прыгающая пена и черные провалы. Но, что это? Наша лодка как человек затряслась мелкой дрожью, в это мгновение справа выросла скала Монастырей и — о ужас! — она тоже покачнулась и тысячеконной смертью с грохотом рухнула на нас...

Я вскочил на койке. Лоб и руки холодно отсырели. Наша база и взаправду вздрагивала. Земля словно

Шоферу больше ничего не оставалось, как кричать караул

надувалась пузырем и лопалась. В открытые окна врывался рев и рык стихий. Это гремел днепровский будильник. Было половина шестого — начались подрывные работы.

Сон улетел. Забирало нетерпение. Хотелось скорее туда: увидеть, понять, убедить. Часа через четыре проделав необходимую процедуру получения пропусков, мы уже стояли на скале Богатырь. Туго досталось этому гиганту: человек в клочья изорвал его гранитные одежды, разворотил его тело, искрошил, проткнул сверлами и заложил новые адские патроны, чтобы окончательно растрасти бездельника Богатыря. Отныне и он будет полезным членом общества: его гранитное тело кусками ляжет в плотину.

С нами был техник, один из тех сивоусых низеньких людей с носом-культяпкой, которые комично серьез-

ничают и проводят экскурсию как заседание парламента, но за этой мишурой простодушны, честны и юношески увлекаются своим делом. Мы разместились на остатке Богатыря. Кругом зияли шурфы и ямы с новыми зарядами, наскоро перекрытые бревнами. Кто-то из спутников покосился на них и опасно спросил:

— А не взорвутся?

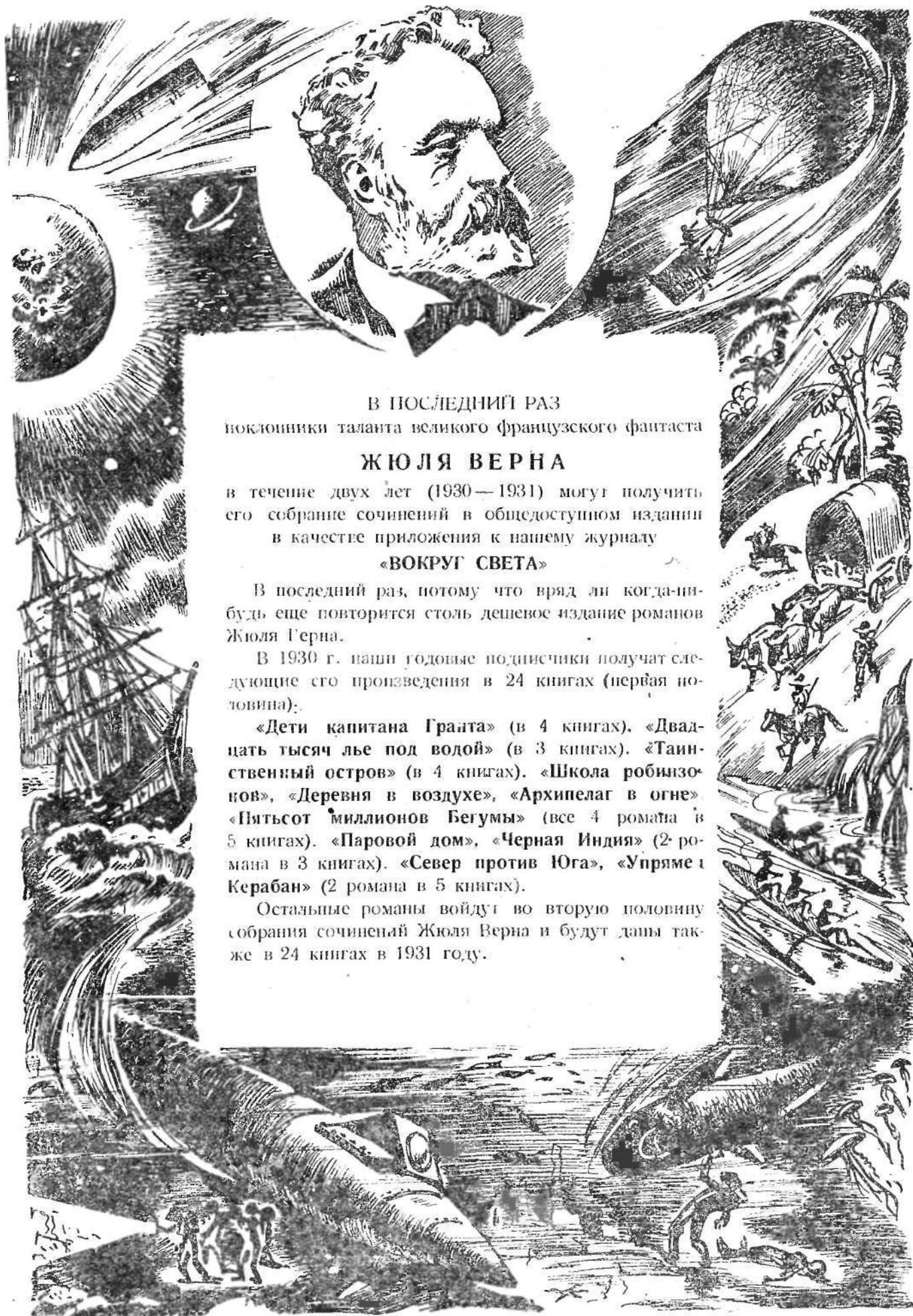
— Экая важность! — серьезно пошутил техник. — Полетаєте немного, а там небось снова вернетесь на землю.

Перед нами как на полу развернулся грандиозный план строительства. Наш водитель вскочил на одно из бревен, торчавшее пробкой над зарядом, горделиво огляделся кругом, поднял правую руку и — эпопея началась...

Почти прямо пролив нас, из середины Днепра торчала серая круглая будочка с витой лестницей кверху. Это — геометрический центр плотины. Если воображаемый гигантский циркуль укрепить острым концом в будочке, а другой отвести вперед примерно на полкилометра, то он прочертит дугу, которая и должна впоследствии обрасти камнем и бетоном и превратиться в МОЩНУЮ плотину. Уже и теперь отчетливо видны заштриховки, которые циркуль титанов сделал с обоих берегов: и с нашей и с противоположной стороны навстречу друг другу врезались в Днепр два коридора шириной в несколько десятков метров. Люди опустили в реку огромные металлические щиты, насыпали к ним горы камня и песка, а затем выкачали воду из образовавшихся коробок, и теперь там, на вековом дне реки, копошится целый муравейник, катятся поезда и ходят стальные чудовища. Две трети русла уже отвоеваны. Днепр уплотнен: ему оставили пока только самую серединку. Непривычно старику в этих неумолимо сжимающихся клещах.

Плотина обопрется на Большой и Малый острова, выгнется дугой навстречу течению и разделит воды Днепра на две мощных струи. И ринутся правые поды по окружью и будут недоумевать: кто же, дерзкий, загнал их в ловушку? А сзади будут напирать все новые и новые валы стихии. И добегут воды до конца дуги у правого берега. Тут они наткнутся на круглые отверстия в стене по пять с половиной метров в диаметре. Человек откроет заслоны и скажет днепровским водам:

— Хотите попасть в Черное море? Полезайте сначала в мои турбины, повертите их, займитесь обществен-

В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ
поклонники таланта великого французского фантаста

ЖЮЛЯ ВЕРНА

в течение двух лет (1930—1931) могут получить
его собрание сочинений в общедоступном издании
в качестве приложения к нашему журналу
«ВОКРУГ СВЕТА»

В последний раз, потому что вряд ли когда-ни-
будь еще повторится столь дешевое издание романов
Жюль Верна.

В 1930 г. наши годовые подписчики получат сле-
дующие его произведения в 24 книгах (первая по-
ловица):

«Дети капитана Гранта» (в 4 книгах). «Двад-
цать тысяч лье под водой» (в 3 книгах). «Таин-
ственный остров» (в 4 книгах). «Школа робиизо-
нов», «Деревня в воздухе», «Архипелаг в огне»
«Пятьсот миллионов Бегумы» (все 4 романа в
5 книгах). «Паровой дом», «Черная Индия» (2 ро-
мана в 3 книгах). «Север против Юга», «Упряме
и Керабан» (2 романа в 5 книгах).

Остальные романы войдут во вторую половину
собрания сочинений Жюль Верна и будут даны так-
же в 24 книгах в 1931 году.

но-полезным трудом, а потом — пожалуйста, на все четыре стороны!

Воды вознегодуют:

— Как! Нас, вольную стихию, совать в какую-то дыру? Мы до самого Черного моря мечтали только о безграничных просторах степей, о скалах порогах, приключениях и красоте, а ты нас хочешь лишиться всего этого?..

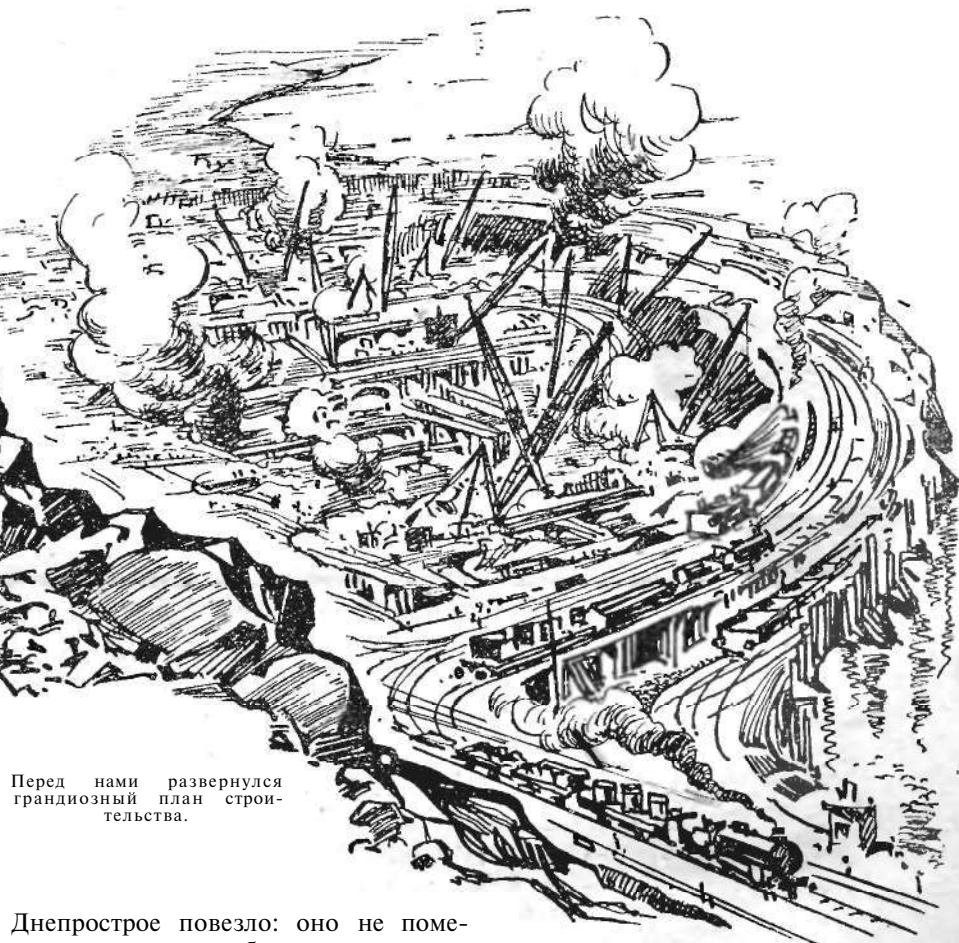
Но не успеют передние воды закончить своего монолога, как задние массивы насыдут на них, и нырнут они первыми в черные стальные трубопроводы к турбинам. Вздогнут подводные гиганты и закрутятся под необычайным напором. Человек тогда улыбнется: 350 000 лошадиных сил впрягутся в его дело! Круговой вихрь по вертикальному валу перейдет в верхний этаж на генераторы — и 245 000 киловатт энергии электрической кровью насытят тело страны. Вырвутся воды с другой стороны, на 37 метров ниже входа, возмущенные, взлохмаченные, в пене и гнев на невиданное надругательство. А человек посмотрит на них сверху с радостной улыбкой творца и повелителя.

Левая струя вдоль плотины забежит в тупик, образуемый концом дуги и валом шлюза. Воды сгрудятся здесь, оттолкнутся от каменных стен и удвоят напор в правую сторону, к электростанции. С нашего места видны были величественные осыпи на противоположном берегу, заводы, массивные как средневековые замки, и машины, машины...

По Днепру от наметившейся впереди дуги полотины до грозного острова Хортицы разбросано много

скал и камней. У левого берега доживает свои дни скала Сагайдачного, связанная с именем знаменитого козацкого атамана. Невдалеке от нее из воды вздымается Дурна скала, половина которой будет срезана; посреди реки торчит Средний скат и наконец Кресло Екатерины. Веселая путешественница сделала очевидно немало привалов на своем пути: на всем протяжении порожистого Днепра раскидано много ее каменной мебели. Екатерининскому Креслу на

облако дыма с яркими огненными точками — и воздух разорвался. Жидкий кислород¹⁾ триумфально разметнулся в пространстве: земля подскочила как на пружинах, а вверх взлетел пальмовидный фейерверк камней. Жуток был не взрыв, а минута, когда камни дождем вернулись на землю, захлупав в воду до середины Днепра и металлически зацокав по ближайшим машинам и рельсам. Некоторые упали у подножья Богатыря.

Перед нами развернулся грандиозный план строительства.

Днепрострое повезло: оно не помещало и потому не будет снесено.

Неожиданно раздался злой угрожающий вой сирены. Наша группа встrepенулась.

— Что это?..

— Одиннадцать часов—сейчас начнутся взрывы,— сказал техник.

— В каком месте?

— Не могу сказать: взрывы происходят по всей территории строительства, — как приговор изрек техник.

Люди и внутренне и физически сжались. Кто его знает: кругом запычки-заряды... Послышался набат. Звуки неслись спереди, из «котлована» — огромной гранитной лохани, расчищаемой для будущей электростанции. Видно было, как в нескольких сотнях метров от нас люди разбегались мышьиной рассыпкой. И вот над котлованом мгновенно взбухло

Американцы, приехавшие на Днепрострой для консультации, привезли с собой одну поговорку. В ее немногих, но жестоких словах звучит что-то неумолимое как смерть:

«Каждый миллион требует жертвы»

С одной стороны — миллион, вложенный в производство, с другой — человек. И когда увидишь, какие могущественные силы природы пробуждает это мягкотелое, но дерзкое существо, именуемое человеком, кажется, что мертвая материя мстит

¹⁾ Жидкий кислород добывается на специальном заводе: сначала сжатием до 200 атмосфер, а потом охлаждением за счет разрежения воздуха доводят температуру его до -184° . Кислород превращается в жидкость; ее наливают в особо приготовленные патроны, которые и закладывают в гранит. Эффект — сильнее динамита.

ему за свое разоблачение, — и тогда становится понятной холодная фабрикантская статистика крови.

Мы спустились вниз. Весь береговой откос на протяжении километра представляет собой сплошной завод: все раскопано, разворочено, загромождено временными постройками, лесами, щитами, помостами, горами материалов, опутано железнодорожными путями, деревянными переходами. Непривычный человек теряется в этом лабиринте, тем более, что со всех сторон на него несутся паровозы, вагонетки, платформы с невиданными машинами и даже над головой грозно раскачиваются стальные коробки подъемных кранов. Грохот, лязг, звон, свистки, сопенье и фыркание машин — все это сливается в одну лихорадочную и величественную симфонию труда.

Вот мы перешагнули через стальные волнообразные щиты, отгородившие строительство от воды, — слева, глубоко внизу, открылась впадина котлована будущей электростанции. Человек вгрызается в донные вековые граниты Днепра, чтобы возвести свое строение на незабываемом фундаменте. Непрерывно работают помпы, откачивающие просочившуюся воду; тарабани пневматические сверла, протачивая в граните червеобразные дырки для подрывных работ; как циклопы ходят краны и экскаваторы царапая и загребая все своими стальными ручищами, — их многосильные совки и коробки то хищно распускаются когтистыми розетками, с тем чтобы, врезавшись в землю, снова сомкнуться, то опускают переднюю стенку как нижнюю челюсть и человекоподобными движениями жуют и заглатывают свою пищу — речные наносы и камни.

Здесь праздник технического гения человека. Фантастические машины Уэллса, которые в его романах как кошки роют землю коленчатыми суставами, перестают быть фантазией, и пожалуй молодой рабочий-днепростровец скажет про них:

— Эка, землю! Наши кошки гранит колушают.

Мы стояли внизу, на уровне днепровских вод, и нас обступали видения недалекого будущего. Через весь Днепр изогнется огромный каменно-бетонный вал плотины в тридцать во семь метров ширины у основания. По его гребню вырастет частокот железобетонных столбов, в пазы которых войдут гигантские стальные щиты Стоunea. Выше поднимутся мостки, по которым будет ходить электрический кран, поднимающий стотонные заслонки для спуска лиш-

Вверх взлетел пальмовидный фейерверк камней.

ней воды. Там же, на восемнадцати-этажной высоте пройдет шоссе. Гигантское сооружение на пять метров врежется в гранитное дно реки, пятнадцать пройдет под водой и на пятьдесят метров взметнется над терпешним уровнем реки, — иными словами, десятки Иванов Великих мысленно надо поставить в ряд, чтобы составить себе некоторое представление об этом величайшем сооружении наших дней. Мы глядели вверх и в головокружительной, небесной голубизне старались уловить будущие очертания этой сверхплотины.

Наш водитель видимо остался доволен тем изумлением и даже некоторой растерянностью, которые мы проявили перед чудовищными размерами сооружения. Он даже улыбнулся под своими сивыми усами, как улыбаются взрослые при виде наивного удивления детей, и сказал:

— Вот здесь, рядом с будущими турбинами стояла скала Любви. Теперь ее взорвали. Кончилась, товарищи, романтическая любовь со скалами, порогами, луной и прочей чепухой. Эта любовь теперь нареки разбита. Зато у нас выросла, товарищи, великая гидролюбовь!

Слова техника были потрясающими по своему внутреннему смыслу. Дело не только в том, что одна из деталей строительства потребовала сноса скалы с таким поэтическим названием, а главным образом в том, что каждый шаг в строительстве новой жизни требует переделки и человеческой психики, отказа от устаревших понятий и приукрашенных иллюзий. В старое понятие о красоте неизбежно включались днепровские лунные ночи, неподвижные массы темных скал, километры бессмысленно бующей и вспененной стихии.

Но такая природа требовала многих часов беззаботного уединения и меланхолических размышлений. Правда, эти часы посвящались ей в приднепровских виллах и дачах, — не даром царское правительство к своему концу накопило тринадцать с половиною тысяч кило проектов днепровской плотины! Оно бы вероятно, копило и до миллиона во имя «инертной красоты» приднепровских помещиков.

Но теперь хотят другой красоты! Ее ищут в творческом пересоздании природы, в подчинении ее сил человеку. От природы ждут не девственности и романтики, а самой активной помощи в деле раскрепощения трудящихся, чтобы досуг не был привилегией счастливых одиночек.

(Окончание в следующем номере).

ИСКАТЕЛЬ ЖЕНЬ-ШЕНЯ

Рассказ С. Будинова

- Рисунки худ. Апе

В провинции Сы-Чуан на одном квадратном километре живут сто пятьдесят девять человек, в провинции Узянь-Су — восемьдесят четыре, а в провинции Шань-Дунь должны прожить и обработать один квадратный километр двести девятнадцать человек. Это на юге, в Китае.

В Забайкальской области на ту же площадь приходится один человек и восемь десятых. В Приморской области — один человек и одна десятая, а на Камчатке на одном квадратном километре живет уже не человек, а удивительная десятичная дробь — три сотых. Это на севере, в Дальневосточном крае.

Лето. Плавно несет чистые воды Уссури. Пахнут цветы. Голубеют сопки. Сгрудились вечно шумящей массой высокие кедры, острые пихты, ели, черные березы и лиственницы. Лианы душат в тугих объятиях стволы деревьев. Трудно итти. Тяжело. Из прогалины — в чашу, по падам, осыпям, увалам, через потоки, рвы и пожарища, по еле заметным следам человека. Человек прошел крадучись. Иначе он оставил бы за-тески, шел бы по прямой линии, а не кружился.

Крестьянин — охотник Петр Беликов — доброволец Дальневосточной особой дивизии по борьбе с бандитизмом и охране границ. Его хутор сожжен китайским снарядами. Границу переходили хунхузы. Банда была ликвидирована, но несколько человек скрылись в тайге. Беликов нашел следы. На человеке были надеты улы. Это мог быть китаец, кореец или голландец. Но почему следы расположились концентрическими кругами? Возможно, что охотник шел на зверя. А пока Беликов скрадывал странного охотника.

Завязана в пучки трава, положен камень на камень, повешена ольховая ветка на осину. Беликов проходит мимо. Много он видит, но многое и ускользает от его внимания. Хорошая у него винтовка. Пять пуль вылетят, взвизгнув, одна за другой.

Охотник идет бесшумно. Напряженно прислушивается. По следам видно, что встреча произойдет скоро. Беликов проскальзывает под ветвями, мыс-

ленно чертыхаясь, выпутывается из цепких хваток кустарников, наклоняется и пристально смотрит на примятую траву. Впереди — рассошина — место слияния двух горных ручьев. Немного дальше — прогалина.

Внимание! Охотник поднимает винтовку. Ствол, чтобы не блестел на солнце, смазан глиной. Беликов чувствует присутствие врага. Ложится на живот и ползет. Спрятавшись за липой, осторожно приподнимает голову и оглядывается. И видит: лежит спиной к нему человек неподвижно, как камень. Но он жив, потому что берданка на что-то направлена, а собачку обхватил темный палец. На человеке соломенная остроконечная

сузились в щели, сдвинулись белые надбровные пятна. Облизнулась шершавым языком и нервно передернула спиной. Опустила голову, долго втягивала воздух и, не поднимая морды, ощерилась и зашипела. Потом вперевалку, со змеиными изгибами длинного тела, почти прильнув к земле, отчего передние лопатки сошлись, неслышно пошла по чаще. Ветер принес запах человека. Он шел сюда.

Беликов навел винтовку на Ей-су, а человек на поляне молитвенно сложил ладони.

шляпа, котомка и улы. У перешедших границу хунхузов — дальнобойные винтовки и сапоги. Значит он не из них. Беликов хочет окликнуть. Но вдруг он замечает одновременно и то, чего не видит лежащий впереди человек, и то, на что тот смотрит...

Пантера была в черных пятнах с рыжими подпалинами. Извивающийся хвост предупреждал о гневе. Она подняла усатую морду, шевеля черными лакированными ноздрями. Зрачки

Она кралась, выбирая место. Вот дерево. Низко нависла ветвь. Прыжок. Она ложится вдоль сука, спиной к солнцу. Впились когтистые лапы в кору. Морда положена на передние лапы. Уши прижаты. Глаза полузакрыты. Человек придет и он ничего не увидит. Пятнистая шкура слилась с солнечными пятнами и просветами. Остается только ждать. А манчжурская пантера выжидать умеет...

Кореец Ей-Су — хищник. Его специальность — охота за людьми. Люди ищут и находят золото, ловят раковины и выбирают жемчуг, сдирают с пойманных соболей шкуры. А кореец Ей-Су подстерегает людей, несущих золото, жемчуг, пушнину, корень жень-шень. Стоит это немного: один заряд пороха. Ей-Су наметил сегодня жертву. Он не видел ее, по узнал

по приметам. Волком, хитрым и рас-
считливым, терпеливо суживал круги.
Из петли жертва не уйдет. Мох, кам-
ни, опавшая хвоя, прошлогодняя ли-
ства, трава—все это создано для
отпечатков следов. Ей-Су идет по ним
уверенно, как глаз человека по строч-
кам книги.

Поддень. Тайга молчит. Она шумит
только утром и вечером. Чуть слыш-
но журчат ручьи. Впереди — рассоши-
иа, а дальше — елань—поляна на бе-
регу реки.

Человек присел на корточки.
Между ним и корейцем Ей-Су—ста-
рая лиственница. Узловатые сучья по-
висли низко и тяжело. Солнечные
блики в ветвях похожи на пятнистую
шкуру зверя.

Ей-Су лежит с наведенной на че-
ловека берданкой. Охотник Беликов
за стволом липы навел на Ей-Су
винтовку, а человек на поляне
молитвенно сложил ладони.

* * *

Его звали Шу. Китаец Шу всю жизнь
живет в лесах и горах. Родился он в
земле. Его родители кротоми зары-
лись в лессовых пещерах. Были годы
голода и смерти. Сборщики податей
и налогов ничего не хотели слушать.
Злые они люди, как и сам «дугзюн»
провинции Сы-Чуан. Долги росли. На-
числялись пени. Вырастали штрафы.
Грозил тюрьма и рабство. Шу бежал.
Здесь, на Уссури, он построил фанзу,
Глинобитные стены покрыл корьем.
В пубине поставил в кумирне четы-
рехрукого Будду, бронзовым лицом
на юг. В лесу, километрах в пяти от
фанзы, чтобы задобрить царя де-
брей—тигра,— врыл шест и повесил
кумачовое полотнище с иероглифами:
«Саи-лин-чжи-чжу», что значит:
«Владыке гор и лесов».

Много в тайге тайн и много чудес-
ного. Растет тага корень жень-шень.
У него и руки, и ноги, и голова—как
у человека. Шу ищет волшебный ко-
рень, дающий старым молодость, бес-
сильным — силу и мужество; а если
прочесть заклинания, корень превра-
щает врага в жабу, уголь — в золото,
открывает все замки и делает чело-
века невидимым. В поисках корня
Шу заходил за сотни километров от
своей фанзы. Он его нароеет много-
много, соберет семена и разведет
плантацию. Каждый пучок драгоцен-
ной травки покроет для защиты от
солнечных лучей кедровым корьем,
посадит рядом папоротник и траву
едоницу, чтобы не слишком прогре-
валась земля, и проведет ручеек.
Тогда он будет богат, всеми уважаем
и вернется на родину.

Шу знает тыся-
чи оттенков тьмы,
тысячи форм теней.
По темноте в чаще
определяет сорт ра-
стущих деревьев,
по скользящим по
земле темным те-
ням узнает лета-
ющую птицу и пред-
вещающее дождь
облако, знает, ка-
кая должна быть
тень у человека, у
зверя, у скалы—в
полдень, в полночь,
перед тайфуном, пе-
ред туманом. И
знает, какую тень
отбрасывают ино-
странные концес-
сионные поселки на
провинции Китая—
черноспинцовую тя-
желую тень, что
ложится на уро-
жаи и крестьян-
ские спины.

Шу знает все за-
пахи тайги, все оттенки запахов сы-
рости. Здесь, на этой поляне, сырость
пахнет как раз так, как пахла она
месяц тому назад, когда он нашел
жень-шень. Шу встал на четвереньки,
положил между рук свою старую
шомполку и уткнул нос в землю.
Теперь метр за метром он будет пол-
зать день, два, три, пока торжествую-
ще не укажет пальцем на незаметный
пучок листьев. Вот он — корень!

Шу знал: где-то здесь, недалеко он
найдет корень, третий в этом году.
Он видел сон, что выкапывал его; но
самое главное — именно в таких мест-
ностях он и растет. Шу нюхает воз-
дух: пахнет сыростью, хвоей, медом.
Но человеком не пахнет—

На Шу—коническая берестяная
шляпа. Он носит промасленный пе-
редник для защиты от росы. Сзади
на пояс подвешивает шкурку барсу-
ка. На поясе—нож, костяная палочка
для выкапывания корня и мешок с
кремнем и огнивом. На ногах—унты,
обувь, сшитая из кожи изюбра, а ши-
рокие штаны и рубаха выкроены из
«дабы»—прочной синей материи. Но-
сит с собой берестяной туес и «ту-
луз» — низкую бутылку с широким
горлышком, сделанную из обмазан-
ных особым раствором прутьев. Шу—
«манза», уссурийский китаец. Но это
только сейчас, временно. Он ходит
по завалам-буреломам, по трясинам-
зыбунам, по зарослям вейника, полы-
ни и тростников в три с половиной
метра высотой. Он бродит по чашам
и время от времени связывает траву

Метр за метром Шу будет ползти, пока не найдет корень жень-шень.

в пучок, кладет камень на камень,
вешает ольховую ветку на осину в
знак того, что он, искатель корня
жень-шень, здесь прошел, и другим
искателям здесь нечего делать.

Летает в тайге ли-у, серенькая
птичка, посланная сверхъестественной
силой Фын-Шуй. Ли-у—сторож кор-
ня жень-шень. Незаметная серая
птичка уводит искателей от того ме-
ста, где растет корень. Только ее и
боится китаец Шу.

Шу не видит человека. Он видит
совсем другое. Стоит лиственница.
Ствол во мху. Дальше — темно от на-
висших веток елей. Между корнями
и траве — пучок из четырех листьев.
На каждом листе пять листочков. Ря-
дом — другой, немного дальше—тре-
тий. Шу замер... Счастье! Невероят-
ное, непостижимое счастье, о чем
мечтал всю жизнь, о чем пели старые
песни!..

Шу стоит на четвереньках, с гла-
зами, загорающимися от удивитель-
ной удачи полусумасшедшим огнем.
Китаец складывает молитвенно ла-
дони.

Корень, что налево — это не корень,
а фанза, участок поля, посев риса и
ячменя, чашечки ханшина, трубки
опиума. Направо — это выкуп. За себя
и за родителей. Это свобода от долга,
от пени на долг, от тюрьмы за побег
от долга, а в середине — красавица
Ше-Си, маленькая, чистенькая, та,
что ждет его, ждет уже три года этой
удачи, этого невозможного счастья.
Шу бормочет заклинания, благодарит

и молит, чтобы каждый лист с пятью листочками был рукой будущего ребенка.

Ли-у не удастся увести охотника за жень-шенем в сторону. А тигр, если бы даже и вышел сейчас на поляну, должен был бы отступить и уйти незаметно, чтобы не помешать доброму трудолюбивому сердцу биться сильно-сильно от большой как Уссури и горячей как солнце радости...

В городе, который русские называют Хабаровском, ходят богатые китайцы—купцы и подрядчики. Ходят и поют:

Русски мадама дурака—
Китайца не хочет любить.
Китайца шибко богата,
Может, что хочет, купить.

Не будет он так ходить и петь. У этих китайцев вместо глаз—червонцы, а вместо сердца—осьминог. Шу скажет русскому:

— Капитана, моя стала шибко богата. Моя едет Сы-Чуан. Китайская мадама Ше-Си есть моя невеста.

И он уедет. А этот день запишет на золотой табличке и назовет его днем своего рождения...

* *

*

Беликов спрятался за липой. Впереди лежит кореец Ей-Су, по следам которого он шел. На полянке склонился над землей китаец Шу. Между китайцем и корейцем—лиственница. Зоркий глаз охотника заметил что-то необычное в расположении солнечных пятен. Ветер шевелит ветки. Солнечные блики скользят. В гуще, там, где протянулся большой сук,—странная неподвижность пятен. Только долго всматриваясь, можно было увидеть приносящую к дереву пантеру.

Солнце висело в небе. Тайга притаилась. Чуть слышно журчали ручьи. Пахло сыростью, камнями и теплом. Беликов не двигался. Замер кореец. Окаменел в традиционной молитве перед жень-шенем китаец Шу.

Кто делает первое движение? Оно будет решающим. Вслед за ним распутается узел событий мгновенно, как блеск молний. Люди и зверь будут действовать, стараясь опередить друг друга на сотую долю секунды. Весы жизни и смерти качнутся только один раз и только в одну сторону. Тайга сделанного не исправляет.

Беликов думал. Крикнуть корейцу: «Руки вверх!». Что может произойти? Не успеет охотник закрыть рот, кореец обернется и выстрелит в него из своей берданки. Но он выстрелит только в том случае, если пантера при окрике не спрыгнет мгновенно на

него с дерева. Не крикнуть — кореец всадит пулю в затылок ничего не подозревающего искателя жень-шеня. Эти комбинации можно было видоизменять как угодно...

Хутор Беликова сожжен китайским снаряжением. Хунхузы переходят границу. Но китаец Шу, искателя жень-шеня, Беликов не тронет, а защитит. Шу — труженик. То, что он сжигает ароматные щепочки в кумирне, вешает тряпки с иероглифами, — ерунда, шелуха, которая живо сползет, если его втянуть в круговорот общественной жизни.

Ветер нес страшные запахи отовсюду. Манчжурская пантера выжидает. Ей-Су прищуривает левый глаз. Беликов медленно тянет к себе собачку винтовки.

Мускулы пантеры развертываются стальной пружиной. Дрогнула лиственница. Пестрое тело зверя камнем из пращи падает на землю. Еще не закончен прыжок, как Ей-Су инстинктивно поднимает берданку и стреляет. Стреляет он не один. Сзади в чаще мелькает огонь. Два глухих выстрела без эхо теряются в лесу. Дымки тают в воздухе. И снова тихо.

Беликов лежит. Впереди распластались на земле два тела. Охотник поднимается. Шу наводит на него шомполку. Беликов поднимает руку в знак того, что не хочет причинить никакого вреда. Охотник и китаец подходят к лиственнице. Кореец Ей-Су больше не будет охотиться за людьми. Манчжурская пантера успела сомкнуть железные челюсти на его горле. Зато в ее грудь впились две пули, берданочная и винтовочная.

Шу благодарит. Он поднимает кулаки, сложенные вместе, и трясет ими перед лицом. Он старается вложить в улыбку всю свою радость. Протягивает руку и указывает на поляну. Затем тычет пальцем в грудь Беликова. Разве можно передать трескучим человеческим языком всю благодарность спасенного китаец? А жесты еще скупее слов. Но означают

Манчжурская пантера успела сомкнуть челюсти на горле Ей-Оу

они: корни жень-шеня не только здесь растут. Они скрываются и в других местах. Надо лишь найти. Может быть год пройдет, может быть день—это неважно. В поисках — счастье. Счастье труда, радость ожидания, крылатые мечты. Эти корни жень-шеня Шу дарит русскому. На что русскому корни? Беликов отрицательно трясет головой, улыбается и похлопывает китаец по плечу. Все хорошо, что хорошо кончается. Могло быть хуже. Тайга не шутит. Прыжок зверя опередил мысли корейца. Выстрел берданки догнал пантеру в прыжке. Это твои корни, иди, выкапывай свое счастье свою удачу...

* * *

Шумит тайга. Стоят исполины кедров, амурская пихта, тополь, ель; монгольский дуб, пробковое дерево и лиственница. Подходит к тайге подлесье из мелких кустарников, переходят кустарники в травы. Ходят изюбры, гордо неся рога. Самцы трясут гривой и роют копытами землю. Летают фазаны. Летает и птичка та, что сторожит корни жень-шеня серая восточно-азиатская совка.

Китаец Шу снова идет по тайге и заламывает ветки, делает на деревьях затески, связывает траву пучком.

Пробирается по лесу охотник Беликов, выискивая следы перешедших границу хунхузов.

Где-то лежат рядом тела корейца Ей-Су и манчжурской пантеры.

